

сich übereinstimmend der negativen Beurteilung des vergangenen Vierteljahrhunderts ungarischer Sprachwissenschaft durch den Verfasser und verwiesen auf Grund der Untersuchung gewisser theoretischer und methodologischer Fragen und unter Berücksichtigung konkreter historischer bzw. wissenschaftsorganisatorischer Fakten auf den subjektiven Charakter der — sich als diskussionsanregend erweisenden — Arbeit hin. Statt dessen sei hier Gy. Szemerés Aufsatz «Bilanz der 10. Auflage unserer Rechtschreibordnung» (MNY 474—483) erwähnt. Verfasser verweist einerseits auf jene Erscheinungen, in denen die Entwicklung — was die Geschichte der Orthographie bezeugt — einen Ruhepunkt erreicht hat, andererseits zählt er jene fraglichen Fälle auf, welche bei der Vorbereitung einer kommenden — höchstwahrscheinlich revisionsbedürftigen — Ausgabe der Rechtschreibordnung einer gründlichen Untersuchung unterzogen werden müssen.

Nach I. Szathmári können folgende «Epochen der ungarischen Sprachwissenschaftsgeschichte» (MNY 18—35) unterschieden werden: 1) Anfänge der Geschichte der ungarischen Sprachwissenschaft (Vom Auftreten J. Sylvesters bis zum Erscheinen der Demonstratio von J. Sajnovics: ca. 1520—1770); 2) Hinführung zu der Sprachwissenschaft im heutigen Sinn (Vom Erscheinen der Demonstratio bis zur Ausbildung der Sprachwissenschaft im heutigen Sinn: ca. 1770—1850); 3) Die Sprachwissenschaft im heutigen Sinn (Von der Grundlegung der vergleichenden und historischen Methode bis zur heutigen vielschichtigen, modernen Sprachwissenschaft. Es gäbe demnach grob

gerechnet vier Entwicklungsstufen: a) 1850—1870, b) 1870—1914, c) 1914—1944, d) 1945—). P. Püspöki Nagy analysiert eine in Keilschrift hinterlassene Inschrift der röm.-kath. Kirche von Felsőszeréd (Das Keilschriftdenkmal von Felsőszeréd. — MNY 1—17, 205—207). Nach Ansicht des Verfassers ist «diese Inschrift das älteste bis heute bekannte, das erste genau datierbare, unverändert und unverletzt erhaltene epigraphische Denkmal». Der Beleg aus Felsőszeréd weist auf die in der 1. Hälfte des 14. Jh. im Donaubecken wirkende Keilschriftschule: somit ist die Keilschrift nicht nur ein Erbe der Siebenbürger Szekler, sondern der gesamten altungarischen Kultur. In der Arbeit «Die Bezeichnung der Intonation im Ungarischen» führt uns J. Bartók sämtliche seit den Anfängen dieser Wissenschaft vor etwa 100 Jahren gebräuchlichen (anfangs per Hand gemessenen) Darstellungsformen und Zeichensysteme der Intonation vor und veranschaulicht sie durch Abbildungen. E. Pásztor hebt zwei Eigenheiten der Konjugation bei Kelemen Mikes hervor (MNY 338—339), S. Sarkady analysiert eine neue Interpretationsmöglichkeit eines problematischen Satzes der Ungarischen Leichenrede (MNY 410—418), Evliyâ Çelebis, des türkischen «Weltreisenden» aus dem 17. Jh., etwa 100 Wörter umfassendes Wörterverzeichnis teilt L. Ligeti mit (MNY 394—409). E. Úrhegyi nimmt (MNY 499—501) von Zoltán Trócsányi, dem letzten ungarischen Polyhistor, J. Tompa (MNY 114—115) von János Prohászka, dem ungarischen Linguisten und Wissenschaftsorganisator, Abschied.

GÁBOR ZAICZ (Budapest)

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.2.10>

Г. М. Керт, Саамский язык (кильдинский диалект), Ленинград 1971. 354 стр.

Пионером исследования кильдинского диалекта саамского языка был советский языковед А. Г. Эндюковский, который описал фонетику, морфологию, синтаксис и лексику этого диалекта в обширной статье «Саамский (лопарский) язык»

(Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград 1937, стр. 125—162).

Книга Г. М. Керта отличается от исследования А. Г. Эндюковского значительно более подробным описанием фонетики, морфологии и синтаксиса кильдинского

диалекта. Кроме того, она содержит и экспериментальное изучение фонетики данного диалекта.

В предисловии к книге Г. М. Керт сообщает, что в с. Вороньем, говор которого он положил в основу описания кильдинского диалекта, живет только одна русская семья, и это обстоятельство якобы способствовало хорошей сохранности там саамского языка. Однако все свое описание экспериментальной фонетики кильдинского диалекта Керт сделал от слышавшей русифицированной саамской молодежи, а именно — ленинградских студентов-саамов (см. описание дикторов на стр. 38). Конечно, запись саамской фонетики от молодой саамской интеллигенции удобна тем, что дикторы обладают определенной степенью лингвистической культуры. Но, с другой стороны, при значительных различиях в речи саамской молодежи и представителей среднего и старшего поколений (исчезновение из речи саамской молодежи согласных *lenis B, D, G* и употребление вместо них *b, d, g*; отпадение некоторых конечных согласных слова в речи саамской молодежи и сохранение их в речи старших поколений и т. д.) запись саамской фонетики только от представителей молодежи нельзя назвать полным синхронным описанием кильдинского диалекта.

Подробно и со многими лексическими примерами во введении Г. М. Керт остановился на германских и литво-латышских заимствованиях в саамском языке.

Серьезным недочетом введения, по нашему мнению, является недооценка автором такой важной проблемы для саамского языка, как мощный поток русских заимствований, главным образом в речи молодого поколения. Русские слова входят в саамский язык не только как политические и научные термины, но вытесняют и саамскую бытовую лексику из всех ее семантических пластов. Поэтому странно выглядят 18 строк, посвященных вопросу о русских заимствованиях (стр. 15), в пространным введении, состоящем из 33 страниц.

На стр. 18 Г. М. Керт очень кратко коснулся вопроса о наличии двойственного числа в саамском языке. Приведем его высказывание: «Почти все диалекты имеют

двойственное число (в диалектах Кольского полуострова двойственное число встречается лишь пережиточно и проявляется в виде двойного окончания 2 л. мн. ч. през.)». С этим утверждением нельзя согласиться, так как в саамских диалектах Кольского полуострова есть еще личное местоимение двойственного числа, выступающее иногда в функции притяжательного местоимения двойственного числа. В кильдинском диалекте личное местоимение двойственного числа выступает в двух вариантах, например, 1-е лицо двойственного числа *mōna* и *mōn*: *mōna kuđ'rijem lūjavr-sijēšt, a a'l'k jall Murmnešt* 'мы двое остались в Ловозере, а сын живет в Мурманске' (пример из записей автора рецензии переведен из традиционной финно-угорской транскрипции в транскрипцию Г. М. Керта); *tone vuēike ag'g'pai luboū mōn* 'тебе раскрою (букв.: выпрямлю) навеки, любовь моя'.¹ Здесь местоимение 1-го лица двойственного числа *mōn* 'нас двоих' неверно переведено как притяжательное местоимение 1-го лица единственного числа 'моя', которое в кильдинском диалекте обозначается словом *tone*.

В разделе введения «Данные археологии» (стр. 15—18) стройно и убедительно изложены концепции ряда советских и зарубежных археологов и некоторых антропологов по протосаамской проблеме.

Последний раздел введения «О взаимоотношении языка и мышления» (стр. 27—37) не связан с материалом саамского языка. На десяти страницах кратко изложены концепции 15 авторов. Мы предполагаем, что гораздо плодотворнее было бы вместо этого обратить внимание на способы передачи мыслей в саамском языке. По нашим наблюдениям, в этом языке сохранилась архаическая высокая степень конкретности в наименовании отдельных действий.

Наиболее серьезные замечания рецензента относятся к главе «Фонетика» (стр. 38—128). Объяснение к транскрипции на стр. 39 явно неудовлетворительно. Во-первых, отсутствует необходимый подзаголовок «Ключ к фонетической транскрипции»;

¹ Г. М. Керт, Образцы саамской речи, Москва—Ленинград 1961, стр. 35.

во-вторых, многие изменения, внесенные Г. М. Кертом в принятую в лапонистике всего мира традиционную фонетическую транскрипцию, даже не отмечены на стр. 39 и 40, где о ней идет речь; в-третьих, во многом изменив эту транскрипцию, Г. М. Керт не дал обоснования своим изменениям, которые, по нашему мнению, лишь затруднили чтение примеров из кильдинского диалекта в разделах глав «Морфология» и «Синтаксис». Особенно трудно читаются тексты, записанные с помощью транскрипции Г. М. Керта, в тех многочисленных случаях, когда с ними рядом находятся тексты, записанные другими лапонистами.

Недостатком главы «Фонетика» является отсутствие таблиц согласных и гласных фонем и их вариантов или аллофонов. Вместо них на стр. 63 помещена таблица согласных звуков, а на стр. 70 — таблица гласных звуков. Отдельные высказывания Г. М. Керта свидетельствуют о признании им понятия фонемы. Однако с основной целью исследования фонетической структуры, т. е. с установлением состава фонем кильдинского диалекта, Г. М. Керт не справился.

Составленная Г. М. Кертом таблица согласных звуков кильдинского диалекта саамского языка удовлетворяет лингвистическим требованиям дофонемной эпохи в языкознании. Но о таблице гласных звуков кильдинского диалекта этого сказать нельзя, так как при ее составлении не приняты во внимание резкие различия с количественной и качественной стороны в системах вокализма первого слога и непервых слогов саамского слова, хотя Э. Итконен в своих работах (*Der ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus* (= MSFOu LXXIX, Helsinki 1939) и *Struktur und Entwicklung der ostlappischen Quantitätssysteme* (= MSFOu LXXXVIII, Helsinki 1946)) подробно описал это явление. Конечно, сравнительно-историческая интерпретация его Э. Итконеном чужда написанному Г. М. Кертом синхронному описанию кильдинского диалекта, но во второй из вышеприведенных работ Э. Итконена на стр. 97—103 в главе «Die Quantität der Vokale. In der ersten Silbe» и в ее второй части с подзаголовком «In der zweiten Silbe» на стр. 103—108 есть много ценных для син-

хронного описания фонетики кильдинского диалекта высказываний, на которые Г. М. Керт не обратил внимания. Поэтому составленная им таблица гласных звуков не дает читателю верного представления о вокализме кильдинского диалекта, который в действительности состоит из двух подсистем вокализма, а именно — из подсистемы вокализма первого слога и из подсистемы вокализма непервых слогов слова. Для раскрытия специфики кильдинской системы гласных звуков можно представить ее в двух таблицах.

Гласные первого слога

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i ī ī ī</i>	<i>ɨ</i>	<i>u ū u</i>
Средний	<i>e ē ē ē</i>	<i>ɛ ẽ ɛ̄ ẽ̄</i>	<i>o õ õ</i>
Нижний		<i>a ā ā ā</i>	<i>ǎ</i>

Гласные непервых слогов

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i ī ī</i>		
Средний	<i>e E</i>	<i>ə</i>	
Нижний		<i>a v A</i>	

Если сравнить составленную Г. М. Кертом таблицу гласных звуков кильдинского диалекта с нашими таблицами, то бросается в глаза большая неполнота таблицы Керта (стр. 70). Кроме того, в своей книге он не указал, какие гласные звуки кильдинского диалекта встречаются во всех слогах слова, какие — только в первом слоге, а какие — только в непервых слогах слова.

Экспериментальное исследование звуков кильдинского диалекта дано в трех приложениях: I (97 кимограмм), II (81 осциллограмма), III (36 палатограмм). Однако в этом столь полном на первый взгляд экспериментальном исследовании есть пробелы. Прежде всего, дикторами, от которых записывались кимограммы и осциллограммы, были только молодые сильно русифицированные студенты-саамы, а речевой материал среднего и старшего поколений экспериментально не был исследован.

На кимограммах отсутствует третья ступень чередования согласных. Большинство зарубежных исследователей саам-

ского языка называют его трехструктурным потому, что в парадигме саамского слова имеются три ступени согласных, а не две, как, например, в финском языке. Отметим, что осциллограммы избежали этого недостатка.

Третьим недостатком экспериментально-го исследования кильдинского диалекта является слишком субъективный подход автора к изучаемому материалу, который иногда приводит его к искажению языковой реальности. Как известно, все изучающие саамский язык лингвисты признают наличие в нем трех ступеней долготы, а Г. М. Керт отвергает эту характерную квантитативную особенность кильдинского диалекта в следующем высказывании на стр. 40: «В работе «Чередование ступеней согласных в языке саамов России» Т. Итконеном выделены три фонетически различные ступени долготы согласных. Например, в слове *subpe* 'осина' I сильная ступень в форме эссива единственного и множественного числа *subpep*², II сильная ступень в форме номинатива единственного числа и слабая ступень в форме генитива и аккузатива единственного числа *sube*. По нашему мнению, различие между I и II сильными ступенями не является фонологическим. Фонологическое противопоставление проявляется только между сильной и слабой ступенями».

Данное мнение Г. М. Керта о фонологичности только двух ступеней долготы в кильдинском диалекте можно опровергнуть целым рядом минимальных пар из лексики кильдинского диалекта, в которых третья ступень долготы (I сильная ступень) обладает фонологической релевантностью, например *jeñna* 'матери' (датель-иллатив ед. числа) — *jenna* 'много'; *pies's* 'гнездо' — *piešš* 'гнезда' (генитив, аккузатив ед. числа). Чаще всего в кольско-саамских диалектах третья ступень консонантной долготы выступает в виде геминаты с удлинненным первым компо-

нентом (*ñp*, *šs* и т. д.), которая, как видно из вышеприведенных примеров, может в кильдинском диалекте дифференцировать языковые единицы на лексическом и морфологическом уровнях.

Но даже если бы Г. М. Керт был прав в своем утверждении о фонологической релевантности только двух ступеней долготы в кильдинском диалекте, то и тогда он должен был бы, учитывая наличие трех ступеней долготы в данном диалекте, показать это явление в составленных им таблицах квантитативных чередований (стр. 83—87) и в таблицах типов склонения (стр. 143, 145, 147, 149, 150, 152, 154). Однако Г. М. Керт изобразил на всех таблицах только две ступени долготы.

Иногда Г. М. Керт делает неверные выводы из фактов, установленных экспериментальными исследованиями, а именно: он рассматривает долгие гласные как краткие и неверно относит полузвонкие согласные к геминатам. Приведем примеры подобных ошибок.

1) На стр. 160 Г. М. Керт долгий гласный *a* в слове *tāl'v* 'зима' определяет как краткий (*tal'v*). Долгота *a* установлена как 247, что уже показывает: *a* — долгий звук. Для подтверждения этого факта можно сравнить долготу данного *a* (247) с долготой *a* (170) в слове *tařp* 'он рубит', помещенном на следующей странице. Отсюда видно, что долгота действительно краткого *a* в слове *tařp* почти вдвое короче долгого *a* в *tāl'v* (у Керта *tal'v*).

2) На стр. 50 гемината *úú* ошибочно названа долгим согласным: «Долгий мягкий согласный \bar{c} : а) в середине слова в интервокальном положении: *suúúe* 'в дым', *čuúúe* 'в свет'».

Раздел «Ударение» (стр. 122—123) слишком краток и не вполне верен. Трудно согласиться с утверждением Г. М. Керта о том, что в саамском языке главное ударение падает только на первый слог слова, так как одну треть саамской лексики составляют русские заимствования, в которых ударение разноместное, особенно в речи саамской молодежи. К недочетам этого раздела надо отнести недооценку Г. М. Кертом очень важных в синхрон-

² Опечатка, у Итконена *subpen*, см. T. Itkonen, Venäjänlapin konsonanttien astevaihtelu Koltan, Kildinin ja Turjan murteiden mukaan (= MSFOu XXXIX), Helsinki 1916, стр. 18.

ном плане высказываний Э. Итконена о слоговом и словесном ударении в кильдинском диалекте саамского языка.

В монографии Г. М. Керта встречаются неверные переводы кильдинских слов на русский язык. Например, словосочетание *azi niid* на стр. 203 автор перевел как 'дочери паука', а на самом деле оно означает 'дочери злой богини Аадз', которая может иногда превращаться в паука.

Недостаточное внимание к саамской мифологии и этнографии привело к искажению и других переводов. Например, Г. М. Керт неверно перевел *čugg* (стр. 259) как 'ящик', оно же в данном контексте означает 'рукодельную корзиночку', которая в сказках является атрибутом женского колдовства; *čim* (стр. 185) как 'див', а на самом деле оно означает 'черт в образе волка'; словосочетание *tsuđeōritš jeñne* как 'мать начальника' (стр. 198) вместо 'мать предводителя чуди'.

Встречаются небрежные переводы названий ландшафта, например, на стр. 76 *jeñη* автор перевел как 'открытое пространство воды', а более точный его перевод 'широкое пространство воды между двумя берегами озера или залива'. Названия бытовых предметов Г. М. Керт тоже иногда переводит неверно, например, *lamč* (стр. 78) 'веревка', а правильное 'ремень, веревка из ремня, вожжа или узда оленя'; *kovvšv* (стр. 231) 'в вежу' вместо 'в чум'. Неточно переведено и слово *tuř'b'* (стр. 77) как 'ноздри и верхняя губа', правильно — 'часть морды животного или зверя, т. е. ноздри, конец носа и верхняя губа'. Словосочетания из собственных имен Г. М. Керт также часто неверно переводит, например: *marj, uovan niit.* (стр. 247) он перевел как 'девушка Мария Ивановна', а нужно — 'Мария, Ивана дочь'. Трудно себе представить причину, по которой Г. М. Керт три раза ввел в текстовые примеры своей монографии (на стр. 225, 287 и 291) слово *paškak* 'будешь испражняться', неверно переводя его на русский язык как 'следлаешь'.

Глава «Морфология» написана более

стройно, чем «Фонетика». Однако и она имеет недочеты. Вызывает недоумение отсутствие в данной главе указания на тот факт, что определение типов склонения по гласному основы было известно задолго до появления рецензируемой монографии.³

В разделе «Притяжательное склонение» с подробно составленными таблицами есть маленький раздел «Особенности употребления притяжательных суффиксов» (стр. 160), в котором разбирается один вопрос о том, в каких падежах притяжательные суффиксы присоединяются непосредственно к основе слова, а в каких — к падежной флексии. А между тем в таком быстро русифицирующемся языке, как саамский, вопрос о постепенном исчезновении из речи молодого поколения притяжательных суффиксов не менее важен, чем вопрос о месте их нахождения в слове. В Ловозере нам пришлось лично наблюдать процесс исчезновения из саамского языка этого уральского явления. Приведем пример из своих наблюдений на эту тему, которые мы сделали в Ловозере в 1957 году. В речи стариков и среднего поколения: *kuiješ* 'ее муж' (-eš — притяжательный суффикс 3 л. ед. ч.); в речи молодежи — без притяжательного суффикса: *sonē kuij* ~ *kuij son*.

Необходимо отметить, что при описании частей речи саамского языка и их отдельных грамматических категорий в главе «Морфология» Г. М. Керт не дает картины их бытования в речи современного саамского населения. Поэтому можно сказать, что в данной книге отсутствует не только сравнительно-исторический анализ саамского языка, но и его синхронное исследование.

В главе «Морфология» достаточно полно представлено словоизменение кильдинского диалекта, чего нельзя сказать о словообразовании. Дело в том, что в книге отсутствуют отдельный раздел «Словообразование» и полное описание словообразования по отдельным частям речи, т. е. описания сложных слов, деривационных суффиксов имени и суффиксов довольно богатого глагольного сло-

³ См., например: K. Nielsen, *Lærøbok i lappisk I. Grammatikk*, Oslo 1926, стр. 4 и сл.

вообразования. Отсутствие в данной монографии раздела об образовании сложных слов способом сложения корней выглядит странно, так как саамский язык столь же богат сложными словами, как и любой финно-угорский язык, например финский.

Неполно написана глава об имени прилагательном кильдинского диалекта. Одной из самых характерных особенностей саамского прилагательного является наличие у большинства его моделей двух морфолого-синтаксических форм, а именно — прилагательное в функции атрибута оформляется определенным суффиксом, а это же прилагательное в функции предиката получает другой суффикс. Керт же это сложное явление саамской морфологии описал только одной фразой на стр. 166: «В кильдинском диалекте, как правило, предикативный показатель получают прилагательные, которые в словарной форме имеют суффикс *-s* или *-š*». Такая неточная трактовка этой особенности саамского прилагательного, кроме лаппонистов, возможно, не будет понятна остальным читателям книги. Кроме того, трудно согласиться с названием словарной формой прилагательного, оформленного суффиксом *-s* или *-š*, которое в саамском языке выполняет атрибутивную функцию. Удачнее было бы назвать его атрибутивной формой прилагательного.

Одним из недостатков главы о прилагательном является отсутствие полного перечня словообразовательных моделей качественных и относительных прилагательных. Качественные прилагательные кильдинского диалекта имеют следующие пять моделей:

- 1) Модель непроизводного прилагательного без особой атрибутивной и предикативной формы (атрибут и предикат совпадают): *nürr* 'молодой'.
- 2) Модель прилагательного, оформленного *š*-овым суффиксом (атрибут и предикат совпадают): *nal'gēs* 'сладкий'.
- 3) Модель прилагательного, обладающего различной атрибутивной и предикативной формой (атрибут *-š*): *mod'tšēs*, (предикат *-š*): *mod'tšv^δ* 'красивый'.
- 4) Модель прилагательного, обладающего различной атрибутивной и предикативной формой (атрибут *-š*): *kieñ'd'žēs*,

(предикат без суффикса): *kieñ'dfšE* 'узкий'.

5) Модель прилагательного, обладающего различной атрибутивной и предикативной формой (атрибут без суффикса): *jorbp^A*, (предикат с *s*-овым суффиксом): *jorBas* 'круглый'.

Относительные прилагательные кильдинского диалекта имеют четыре морфолого-синтаксические модели:

- 1) Модель прилагательного, обладающего различной атрибутивной и предикативной формой (атрибут *-es*): *kuálljes*, (предикат *-ai*): *kuállai* 'изобилующий рыбой'.
- 2) Модель, обладающая атрибутивной и предикативной формой (атрибут *-meš*): *kükmeš*, (предикат *χem*): *kükχem* 'бессердечный'.
- 3) Модель, обладающая различной атрибутивной и предикативной формой (атрибут *-es*): *särnvtšēs*, (предикат без суффикса): *särnvtšš* 'разговорчивый'.
- 4) Модель, обладающая различной атрибутивной и предикативной формой (атрибут *-šes*): *jeallšes*, (предикат *-š*) *jeallaš* 'богатый'.

В главе о прилагательных отсутствует и описание способа выражения ими неполноты качества и некоторые другие особенности, о которых автором данной рецензии была опубликована статья.⁴

В разделе «Глагол» довольно полно представлено спряжение глаголов во всех временах. Однако картина бытования этих времен глагола в современном кильдинском диалекте не раскрыта автором данной книги.

Приходится сожалеть, что в главе, посвященной морфологии, даже не упоминается работа М. Корхонена⁵, в которой он подверг глубокому анализу спряжение во всех диалектах саамского языка, в том числе и в кильдинском.

В главе «Синтаксис» (стр. 229—296) излишне растянут раздел «Словосочетание»,

⁴ В. В. Сенкевич-Гудкова, О дифференциальных морфологических признаках имени прилагательного в саамском языке. — Вопросы теории частей речи, Ленинград 1968.

⁵ M. Korhonen, Die Konjugation im Lappischen (= MSFOu 143), Helsinki 1967.

которому уделено 37 страниц (стр. 243—280), в то время как не менее важному разделу «Предложение» Г. М. Керт отвел лишь 16 страниц (стр. 280—296).

В разделе «О противоречивости критериев при определении членов предложения» (стр. 232—243) Г. М. Керт рассматривает точки зрения 19 авторов, причем среди них мы не находим концепций специалиста по саамскому синтаксису К. Нильсена. Всю свою полемику с этим множеством авторов Г. М. Керт ведет на материале русского языка и иногда финского, а саамский язык в этом разделе он упомянул только в одном, поставленном в скобки предложении на стр. 240, а именно: «(Аналогичная картина наблюдается и в саамском языке)».

Большим недостатком главы «Синтаксис» мы считаем смешение сложных слов со словосочетаниями, которое допустил Г. М. Керт в подразделе «Словосочетания. Типы словосочетаний» на стр. 245, 246 и 247. Например, на стр. 246 Г. М. Керт назвал словосочетаниями следующие сложные слова: *tujšaijja* 'на рабочем месте', *čahn pařša* 'чертенок (досл.:

черт-сыннок)'; *Kårdegsijđešt* 'в селе Вороньем (досл.: в Ворона-селе)'; *Kuelnig čuħpe* 'в Кольскую губу (досл.: Колагуба)'. Необходимо отметить, что огромное большинство лапонистов и специалистов по другим финно-угорским языкам считает слова подобной структуры сложными. Эти языковеды вполне правы в том, что это сложные слова, так как в своих утверждениях они исходят из национальной самобытности финно-угорских языков, а не из чуждого национальной структуре саамского языка учения о словосочетаниях, созданного русскими языковедами на материале русского языка, которому, возможно, и следует Г. М. Керт в разделе о словосочетаниях. Но наиболее оригинален тот факт, что Г. М. Керт, причисляя к словосочетаниям отдельные группы сложных слов саамского языка, никакими научными доводами не обосновывает это нарушение словообразовательных традиций финно-угроведов и не высказывает своего взгляда на эту проблему.

В. В. СЕНКЕВИЧ-ГУДКОВА
(Петрозаводск)

XIV ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННО-УГРОВЕДОВ

6—8 сентября 1972 года в Саранске проходила XIV Всесоюзная конференция финно-угроведов, посвященная 50-летию образования СССР.

Конференция была самой представительной из всех как по количеству участников, так и по широте тематики. В ее работе приняли участие один академик, 20 докторов наук и профессоров, более 70 кандидатов наук и доцентов из 20 научных центров и высших учебных заведений страны — Москвы, Ленинграда, Таллина, Тарту, Петрозаводска, Сыктывкара, Саранска, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Чебоксар, Уфы, Свердловска, Перми, Новосибирска и др. Приглашались учителя родного языка школ и педучилищ Мордовии, писатели, работники издательств, сотрудники газет.

В центре внимания конференции были

актуальные проблемы финно-угорского языкознания (сравнительно-историческое языкознание, взаимовлияние языков, проблемы литературных языков, вопросы грамматики современных языков, диалектология, ономастика и т. д.).

Вопросам лингвистики было посвящено 127 докладов из 171, в том числе лексикологии — 27, морфологии — 28, диалектологии — 20, ономастики — 18. Это не случайно. Во многих финно-угорских центрах, в том числе и в Мордовии, ведется большая работа по лексикологии и лексикографии, разрабатываются вопросы грамматики, интенсивно изучаются диалекты.

Наряду с лингвистами, в работе конференции активно участвовали представители смежных наук — фольклористики, литературоведения, археологии, антропо-